

Теория. Методология

© 2015 г.

Р.Х. СИМОНЯН

ОБЩЕСТВО БЕЗ СОЦИОЛОГИИ ИЛИ СОЦИОЛОГИ БЕЗ ОБЩЕСТВА

СИМОНЯН Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия (sim@isras.ru).

Аннотация. Россия играет важнейшую роль в современном мире. Процессы в нашей стране оказывают огромное влияние на устойчивость и развитие мира. Приближающееся 25-летие реформ актуализирует анализ причин, приведших к нынешнему состоянию российского общества, и установление диагноза, что является задачей социологии как генеральной общественной науки. В статье рассматривается совокупность факторов – исторических, идеологических, этических, организационных и др., препятствующих выполнению социологами этой задачи.

Ключевые слова: социология в России и на Западе • дезинтеграция генерального знания • диагноз состояния общества

В начале было Слово. Философы изучали общество с античных времён, но специализированная наука об обществе – “социология” – была основана в 40-х гг. XIX в. О. Контом. Латинское название общества – “Societatis” – было корневым для большинства европейцев, поэтому название науки, изучающей общество – “социология”, было для них естественным. В России вопрос о необходимости этой науки поставил В. Майков (1845), считая в то же время неприемлемым для России термин “социология”. Как литератор и автор “Словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка”, Майков был человеком, чувствующим слово. Новую науку он называет по-разному, но так, чтобы везде присутствовало слово “общество” – “философия общества”, “общественная философия”, “общая теория общественной жизни”. Действительно, почему “социум”, когда у нас “общество”?

Против термина “социология” выступали многие, в том числе один из самых активных пропагандистов идей Конта – литературный критик Д. Писарев, который считал, что в обозначении новой науки должно присутствовать русское корневое слово “общество”, и употреблял термин – “общественная физика”. Эта фонема звучит сегодня весьма странно, хотя “физика”, т.е. “природоведение” или “естествознание” определяет науку, изучающую природу, поэтому “природоведение” или “естествознание” семантически аналогичны “обществоведению” и “обществознанию”.

Постепенно слово “социология” проникло в научную лексику и в повседневную жизнь, будучи не для всех понятным. На это обратили внимание первые русские социологи. В 1897 г. один из основателей русской школы социологии Н. Кареев писал: «Название “социология” сделалось даже модным в общественном обиходе, получив благодаря этому крайне неопределённый характер» [Кареев, 1990: 365]. Иностранное слово часто привлекает именно своей неопределённостью. В книге “Основы русской социологии” Кареев вспоминал: «Самые слова “социология” и “социологический”

становились с 1880-х годов популярными, и часто появлялись сборники статей – “Социологические очерки” или “Этюды”, хотя название это было употребляемо совсем некстати, имея в виду их содержание» [Кареев, 1996:126].

И. Голосенко иллюстрирует это ярким примером: «В одной из публикаций под “социологией Волги” подразумевалось простое расписание пассажирских судов по Волге, что свидетельствует о том, что слово “социология” в силу моды приклеивалось, как этикетка, куда попало» [Голосенко, 1995: 17]. То есть в российской реальности произошло то, чего опасались адепты новой науки – отрыв термина от его предмета.

Пришедший с Запада термин вызывал недоверчивое у власти (возможно, ещё и потому, что ассоциировался с “социализмом”) и ироническое отношение у широкой публики. А. Лосев утверждает, что «каждое понятие и каждый термин, вводимые в общественную практику, переживаются своеобразно *принимаемой культурой*, вызывая в сознании определённый ассоциативный ряд... Определяя какой-нибудь предмет и произнося его название, мы в то же время занимаем позицию “воспринимающих” этот предмет» [Лосев, 2010: 96].

Преподавание социологии в дореволюционной России осуществлялось энтузиастами, которые для маскировки подлинного содержания науки использовали более привычные названия: “Философия истории”, “Социальные основы экономики”, “Введение в общую теорию права”, “Общественная психология” и т.п. Интегральный термин “обществоведение” на государственном уровне появился лишь в 1920 г., когда наркомат просвещения принял решение о подготовке преподавателей по этому предмету. С тех пор наука об обществе существует в двух ипостасях, одна в качестве исследования, другая в качестве преподавания. Сложился запрет дискурса о соотношении терминов “социология” и “обществоведение”, а тем более документальное признание, что оба термина являются синонимами. Так, в Большой советской энциклопедии “социология – это наука об обществе как целостной системе” [БСЭ, 1976: 743]. Там же указано, что социология сложилась в результате кооперации общественных наук, и, соответственно, “обществоведение” отсутствует. В Философском энциклопедическом словаре социология трактуется аналогично – “наука об обществе” [Философский..., 1983: 640], и так же нет обществоведения и обществознания. Трудно сказать, связано ли это с “перестройкой”, но в академическом словаре русского языка появляются оба термина. Сначала (по алфавиту): “обществоведение – наука об обществе” [Академический..., 1989: 577]. Социология трактуется так же, но более пространно: “наука о закономерностях развития и жизни общества” [там же: 214]. То есть авторам словаря удалось изобразить “различие”.

Этот курьёз отражён и в словаре русского языка С. Ожегова: “обществоведение – наука об обществе”, “обществовед – преподаватель обществоведения”, но “социология – учение об обществе”, “социолог – лицо, занимающееся социологией”, что по-своему логично – учение ещё не наука. То есть статус социологии снижен. В этом словаре: “филолог – учёный”, “философ – учёный” и т.д., но социолог не учёный, а всего-навсего “лицо, занимающееся социологией” [Ожегов, 2009: 560, 985]. Популярный словарь отразил тот факт, что социология у нас не воспринимается не только как наука об обществе, но и как наука вообще.

От слова к реальности. Причины этого курьёза имеют не только исторические корни, но и специфику, заключающуюся в содержании самой науки. В структуре социологии принято выделять три уровня: верхний – общество в целом. Средний – основные его сферы: экономическая, демографическая, правовая, социально-психологическая, историко-культурная, духовная, политическая, морально-этическая. Нижний – многочисленные частные теории.

Верхний уровень ставит социологию в особое положение, поднимая её над другими общественными науками, представители которых исследуют в лучшем случае одну из основных сфер общества, т.е. здесь она обладает статусом генеральной науки.

На этом уровне социологии, где предметом познания является общество в целом, а не его часть или аспект, существует тождество между социологией и обществоведением. Но *только* на этом. Здесь одна из причин ситуации, в которую невольно попадают составители словарей.

Помимо структуры самой науки существует структура занятых в ней специалистов. Именно они, их деятельность определяют авторитет науки, её общественный статус. Масштаб и глубина исследований верхнего уровня социологии предполагает соответствующий объём интеллектуальных и творческих ресурсов, широкий кругозор, знаний как о социальной системе в целом, так и об элементах, её составляющих, понимания их взаимосвязи. Учёные, создавшие социологию, как фундаментальную науку, так и развивающие её теорию, обладают таким тезаурусом. Начиная с Конта, который был математиком, биологом, физиком, астрономом, историком, философом, и М. Вебера, которого за энциклопедичность познаний называли современным Микеланджело, и, заканчивая нынешними – Э. Гидденсом и И. Валлерстайном. Таких социологов науковеды называют генералистами (см., например: [Доган, 2000: 12]). Все они исследуют общество как целостность – в историческом, экономическом, политическом, культурном, психологическом и других аспектах. Понятно, что работающих на этом уровне не слишком много.

На среднем уровне социологи исследуют основные сферы общества. Но эти элементы социальной системы изучают специалисты: историки, экономисты, демографы, правоведы, психологи, культурологи, этнологи и др. То есть социологи здесь соседствуют с представителями других наук, более узких по сравнению с социологией, но имеющими свои профессиональные преимущества. Присутствие среди них учёных с широким общественным кругозором, с “социологическим видением” проблем, позволяющим выходить за рамки своей науки, объективно ограничивает число социологов, работающих на этом уровне. Поэтому экономическая социология, историческая социология, социология права и т.д. представлены весьма незначительным количеством исследователей.

Остаётся нижний уровень, на котором и сосредоточена основная масса социологов. Именно *этот* уровень доминирует в обществе, создавая имидж науки, отношение к ней. Сужение проблемного диапазона до ограниченного участка не воспринимается как наука об обществе. Составители словарей лишь фиксируют ситуацию, когда “слово не может быть величиной более реальной, чем сама реальность” [Лескин, 2008: 47]. Здесь вторая причина словарного казуса.

Помимо трёх уровней социология разделяется на теоретическую и эмпирическую. Как фундаментальная наука она выполняет задачу получения новых теоретических знаний, что позволяет осуществлять прогнозирование – важнейшую функцию общественного знания. Р. Коллинз среди причин, почему социологи её не выполняют, указывает на “неспособность отличить эмпирическую экстраполяцию от теоретически обоснованного предсказания” [Коллинз, 2015: 127]. Процесс познания, происходящий на нижнем уровне, реализуется в основном в рамках эмпирической социологии, функцией которой является сбор, обработка и анализ (описание) социологической информации, для чего существуют специальные методики и технические приёмы. Доминирование прикладного, а не фундаментального научного знания – это ещё одна причина, по которой социология не воспринимается как обществоведение.

Познание столь сложного объекта, каким является общество, возможно лишь на самом высоком уровне абстракции. Поэтому социологов верхнего уровня часто относят к социальным мыслителям. Как считает У. Аутвейт, “совершенно очевидно, что социальные науки продолжают быть ближе к мышлению на основе опыта наблюдения реальности и глубокого осмысления её” [Аутвейт, 1991: 152]. С момента появления Homo sapiens наблюдение стало основным методом познания окружающего мира, с него начинается любая наука. Наблюдения обобщаются, происходит постижение

социального мира. У античных мыслителей не было современных методик обработки информации. Аристотель, анализируя структуру общества, не пользовался данными опросов, тем не менее его характеристика среднего класса как основы общества оказалась столь теоретически точной, что не только не утратила актуальность, но стала особенно востребованной сегодня.

Социологи, изучающие общество как систему, использовали различные концепции и модели (социальный биологизм, функционализм, структурализм, солидарность, социальный факт, социальные изменения, миры опытов, символический интеракционизм, конфликтность, в том числе классовая борьба, социологический номинализм, социальные действия, социодрама, феноменологическая, интегральная, стратификационная, биологическая, альтернативная, психологическая и органическая модели и т.д.), но почти никто из них не занимался прикладной социологией. Даже Э. Дюркгейм – первый, у которого проявился интерес к эмпирическим данным, никогда не участвовал в полевых исследованиях, он пользовался данными, собранными антропологами и миссионерами. Дюркгейм был и первым, кто выразил сомнение в достоверности опросов, подчёркивая, что беспристрастным и безличным в социологии может быть только наблюдение [Дюркгейм, 1991: 187]. Р. Миллс показал, что эмпирические исследования, постоянно требующие финансирования, способствуют бюрократизации и коммерциализации социологии [Миллс, 2001: 68–69]. В тоталитарных и авторитарных режимах массовые опросы априори не могут быть средством объективного познания общества.

Как сложилась российская социологическая традиция. В конце 1960-х гг. социология в СССР была разрешена, но не как наука об обществе, что таило в себе угрозу критического отношения к его устройству, а как набор конкретных государственных задач. Созданное научное учреждение носило соответствующее название – Институт конкретных социологических исследований (ИКСИ). Что означало полную поддержку прикладным исследованиям и сдержанное отношение к теоретическим, ибо самое важное было уже открыто и сказано классиками марксизма-ленинизма.

Наиболее острая из проблем СССР заключалась в нарастающем отставании от передовых стран в производительности труда. От социологов требовалось дать рекомендации по использованию социальных резервов производства. Под эту задачу и сформировалось социологическое сообщество, так как эти резервы включали широкий спектр проблем. В СССР на промышленное предприятие были возложены многочисленные социальные функции – воспитание, образование, удовлетворённость трудом, досуг, распределение социальных услуг, участие трудящихся в управлении и т.д. Помимо основного направления ставились задачи по укреплению семьи, росту материального благополучия, анализу СМИ и т.д. На массовые опросы государство не жалело денег. Эмпирика стала господствующей.

Первым от ухода в эмпиризм предостерегал Г. Щедровицкий, возвращая социологию на “создание и использование общих схем и моделей научного познания общества” [Щедровицкий, 1972: 38]. Опасность эмпиризма русские мыслители всегда чувствовали остро. Ещё на заре социологии А. Герцен, приветствуя науку Конта как антитеологическую и антиметафизическую, выражал тревогу, что она может “потерять сущность за подробностями” [Герцен, 1955: 169]. М. Ковалевский призывал “социологов отвлекаться от массы конкретных фактов и указывать общую их тенденцию, никогда не теряя из виду основной задачи – раскрытия причин покоя и движения человеческого обществ, устойчивости и развития порядка в разные эпохи в их преемственной связи между собой” [Ковалевский, 1910: 9].

В позднесоветский период с ростом кризиса перед социологами была поставлена ещё одна конкретная задача – изучение общественного мнения, ставшая приоритетной. Что касается теоретической социологии, то она допускалась в двух вариантах. Апологетика марксизма-ленинизма, его развитие, вроде обоснования нового этапа – “развитого социализма”. А тем, кому это занятие представлялось не интересным, было

отведено проблемное поле – “критика буржуазных теорий”, что имело определённое просветительское значение. Так как труды представителей западной социологии в СССР почти не издавались, то для многих это была единственная форма знакомства с их творчеством. С другой стороны, паразитирование на западной научной мысли ограничивало диапазон собственных поисков. Возможно, поэтому после падения железного занавеса теоретический вклад специалистов по западной социологии оказался незначительным.

Эмпиризм доминирует и в постсоветский период. Так как экономические реформы 1990-х гг. привели к разрушению промышленности, а на сохранившихся предприятиях доступ социологов нежелателен для их владельцев, то промышленная социология практически исчезла. Интерес исследователей переместился с социологии производства на социологию потребления, что обусловило нарастающий вал маркетинговых опросов. Если к этому добавить, что переходным обществам присуща особая заинтересованность в измерении общественных настроений, то становится понятным, почему в нынешней России массовые опросы господствуют, а человек с анкетой олицетворяет социологию.

Таким образом, в нашей стране социология как фундаментальная наука складывается с большим трудом. Она растворилась в многочисленных частных областях и фокусируется на методологии, точнее, на процедурах проведения эмпирических исследований. Дискурс о методах вытесняет дискурс о самом предмете. Ценность способа познания заменяет ценность объекта познания: “Что” уже не так важно, важным становится “Как”.

“Мы не знаем общества, в котором живём”. Есть и другая причина доминирования эмпиризма – некритическое заимствование задач западной социологии. При всех социальных изменениях, возрастающей социальной мобильности, развитии новых форм коммуникации и т.д. там *общественное устройство стабильно*, социальные группы, институты и процессы в значительной мере изучены. А детализация познания уже известных объектов – проблема прежде всего методологическая, технологическая, поэтому “прикладной” акцент оправдан.

Совершенно иное положение у нас. В трансформирующейся России объём общественного непознанного столь велик, что утверждение, высказанное руководителем СССР в январе 1983 г.: “Мы не знаем общества, в котором живём” [Андропов, 1983: 7] – сегодня ещё актуальнее. Такое признание самого информированного человека в государстве – Андропов более 15 лет возглавлял КГБ – претензия к социологам, в которой, несомненно, присутствует и нравственный аспект. Ибо сама форма “мы не знаем...” совершенно неприемлемая для руководителя партии и государства, резко нарушившая принятый стандарт лексики “руководящей и направляющей силы”, указывает на плохо выполненную работу. Что вызвало глубокое замешательство в социологическом сообществе. “Нам не было разрешено” – этот довод не принимался, ибо запретить мыслить нельзя. Шокирующая оценка социологов была реакцией на “теоретическую суету” по созданию социальных фантомов и мифов, вроде нового этапа развития социалистического общества – “развитого социализма”. В то время как в распоряжении главы КГБ были переводы работ зарубежных социологов (советологов), где содержался более объективный анализ и, соответственно, менее оптимистичные прогнозы развития страны.

На июньском (1983) пленуме ЦК КПСС Андропов поставил задачу “познать *по-настоящему* страну и общество, дать *научную диагностику* происходящим процессам”. Среди советских руководителей Андропов был не только самой загадочной и противоречивой фигурой, но резко выделялся как интеллигент и государственный деятель. Он понимал, что без объективной оценки состояния общества задачи не только развития, но и сохранения государства становятся проблематичными. Всего через 7,5 лет практика это подтвердила.

Общество устойчиво, когда оно организовано и когда его образ в головах людей не входит в глубокое противоречие с его реальным состоянием. Подмена реального виртуальным пагубна для общественного сознания. По меткому выражению булгаковского профессора Преображенского, хозяйственная разруха начинается с разрухи в головах людей. Социальные миражи, убажачающие и усыпляющие людей, не только парализуют их энергию. Они создают ситуацию риска внезапного пробуждения и выброса этой энергии.

Заимствование теоретического опыта – и как способов развития общества, и как способов его познания – не должно быть ни модой, ни механическим актом. Чтобы эффективно воздействовать на предмет, надо знать этот предмет. Успешное использование западных достижений в реформировании общества может быть достигнуто только в том случае, когда реформаторы понимают его культурно-психологическую основу, чему наиболее яркий пример – Япония. Авторы “японского чуда” 1960-х гг. Хиромии Арисава и Сигеру Ёсида знали и понимали свою страну и свой народ. Чего нельзя сказать о Е. Гайдаре и А. Чубайсе, иначе они не стали бы внедрять американскую модель капитализма – неолиберализм, приведшую Россию к её нынешнему состоянию. К России гораздо больше подходила европейская модель социального государства. Игнорирование опыта наших соседей – “шведского социализма”, близкого к российской ментальности, и насаждение совершенно чуждой народу политэкономической модели крайнего монетаризма – это в значительной мере и есть тот самый порок “незнания общества”.

В сфере познания этот порок проявляется в механическом переносе не только научных задач, но и научных терминов, что создаёт в социологии категориально-понятийный хаос. Можно вспомнить середину XX в., когда началась деколонизация в Африке и возникали независимые государства. Марксистские термины “пролетариат”, “классовая борьба”, “социалистическая революция” и т.п., которыми социологи описывали происходящие там процессы, не отражали реальность, так как в межплеменных и межклановых конфликтах не было ни того, ни другого, ни третьего. От этого греха социологи не избавились и сегодня.

Научный термин – инструмент познания. Результаты социального познания напрямую зависят от категорий, которыми оперируют исследователи. Научный термин должен адекватно отражать предмет исследования, иначе нарушается первая методологическая задача социолога, которая состоит в поиске слова, отражающего сущность социального феномена. В противном случае не только разрушается смысловая структура языка, но неэффективным становится сам процесс познания. Это можно проиллюстрировать двумя примерами.

История убедительно показывает, что правящий класс совсем не обязательно формируется из наиболее способных осознавать, формулировать и реализовывать общественные интересы, т.е. из представителей политической элиты общества. Советская правящая верхушка оказалась неспособной к этому и привела государство к катастрофе. Элита означает лучшую, отборную часть какого-либо живого или растительного сообщества. Советская номенклатура характеризовалась завышенной самооценкой, но не называла себя элитой. Она пользовалась более развёрнутым и понятным народу определением. Её самоназвание “ум, честь и совесть” вполне подходит под понятие элиты общества. И в акцентировании нравственной компоненты – честь, совесть – этого определения был точный расчёт, ибо ответственность за состояние общества есть категория нравственная. Если поставить знак равенства между категориями “правящий класс” и “политическая элита” общества, то к ней следует причислить Пол Пота, Йенг Сари и других членов правительства красных кхмеров, организовавших плановое убийство мотыгами трети своего народа.

Давая определение элиты, В. Парето включал в неё только “тех, кто характеризуется в своей сфере наиболее высокими показателями” [Парето, 2002: 232]. Критерии отбора, основанные на ценной для общества деятельности, существуют и для творче-

ской, и для научной, и для военной, и, разумеется, для политической элиты – тех, для кого государственные интересы являются приоритетными, кто в своей политической деятельности приносит наибольшую пользу обществу.

Поэтому с понятием “политическая элита” тесно связано понятие “общественная репутация” – фактор, который наряду с эффективной системой отбора играет решающую роль в формировании политической элиты в странах с устойчивой демократией. В России роль этого фактора сегодня малозначима. В развитых странах система отбора, общественный контроль и общественное согласие относительно тех, кому можно доверить управление государством, постепенно привели к тому, что разграничение понятий “политическая элита общества” и “правлящий класс” не является актуальным, они практически совпадают. Там уже давно забыли о таких формах власти, как деспотизм, автократия, олигархия, плутократия, клептократия и пр. Но для государств переходного периода это различие является и актуальным, и принципиальным.

Ж. Тощенко, анализируя постсоветский правящий класс, отмечает, что «нами правят – и в политике, и в экономике – не элиты, а группы людей, к которым наиболее применимы и соответствуют их духу, целям и методам деятельности такие понятия, как “клики”, “кланы”, “касты”» [Тощенко, 2000: 130–131]. Когда уличённых в казнокрадстве министров или губернаторов именуют элитой, то у рядовых россиян возникает недоверие ко всему образованному сообществу, ибо они знают более точные слова для характеристики этих лиц. И здесь не только вызов здравому смыслу. Считать подобных людей элитой – значит унижать великую нацию. Называя возникшую в 1990-х гг. новую номенклатуру элитой, социологи (неважно из-за бездумного заимствования иностранных терминов или верноподданнических чувств) порождают в обществе по отношению к интеллектуалам сначала раздражение, а затем и враждебность. Социология вместо того, чтобы просвещать народ, становится непонятной для него, чуждой ему корпоративной группировкой.

Такую же путаницу социологи вносят в понятийный аппарат, именуя средний потребительский слой средним классом, функция которого быть, по словам М. Вебера, “стабилизатором общества”. В любом, даже самом неразвитом обществе существует средний потребительский слой, что фиксирует государственная статистика. Он является весьма зыбким образованием, особенно в переходных обществах. Этот слой не может быть социальной опорой общества. У него нет ни классового самосознания, ни классовых интересов, ни классовой солидарности, ни других признаков класса. Нельзя отождествлять статистическую группировку и исторически сложившийся социальный класс. Диспуты социологов о том, какая величина дохода является “пропуском” в средний класс, не имеют научного содержания, ибо в социальной категории “средний класс” содержится указание не на уровень потребления, а на характеристику позиции, которую он занимает в системе политэкономических отношений общества. И здесь обращение социологов к частной собственности непродуктивно, ибо она в нынешней России не является надёжным, а, наоборот, наиболее уязвимым социальным субстратом. По существу, сегодня российский собственник беззащитен. Ни о какой его самостоятельности не может быть речи, он не может быть опорой общества. Что же касается «потребительской серединки...», то она не составляет никакого класса, – писал Ю. Левада, – и не может им быть. Искусственно создать такой (или какой-либо иной) “класс” невозможно, да и не нужно» [Левада, 2000: 304]. Та же оценка у директора ВЦИОМ В. Фёдорова: “Наш средний класс – скорее не класс, а слой, этокое промежуточное новообразование, размытое и неустойчивое” [Фёдоров, 2012: 19]. Некритическое заимствование категорий по принципу “если у них есть средний класс, то и у нас должен быть” приводит к созданию мифов, дезориентирующих общество. “Почему в российской публицистике, вообще в политическом лексиконе так много упоминаний о среднем классе, который то ли уже существует, то ли должен быть форсированно создан, чтобы образовать основной стержень демократического общества? – задаёт вопрос А. Галкин. – В своё время им считался рабочий класс. Теперь

у нового режима должна появиться своя социальная опора – средний класс. Если его нет, то его следует создать, а если не получается – то, в крайнем случае, придумать” [Галкин, 1999: 85]. Подгонка дефиниций под задачи дня не является научной деятельностью, но как когда-то “развитой социализм” сегодня “средний класс” – весьма привлекательный символ общественного благополучия и, следовательно, успешной внутренней политики. Ещё П. Бурдьё отмечал, что уже “само обозначение социальных групп является эффективным механизмом управления массовым поведением” [Bourdieu, 1970: 109].

Генеральная задача социологии. Дифференциация наук – естественная тенденция научного познания, но чем детальнее анализ, тем больше необходимость синтеза, познания жизни как целого. “Возникают отдельные отрасли социологии, и они, в свою очередь, делятся на более узкие проблемы, и чтобы прийти к подлинному пониманию всего социокультурного пространства, необходимо осуществить плодотворный и достоверный синтез, – подчёркивал П. Сорокин, – если мы не хотим, чтобы наши исследования безнадежно путались во фрагментарных, не связанных между собой и иррелевантных фактах и проблемах” [Сорокин, 1992: 179]. Синтез – это возвращение к социологии как генеральной науке, когда развитие общества потребовало теоретического осмысления поверх отраслевых границ.

И. Шумпетер более полувека назад писал: “Границы большинства наук непрерывно сдвигались, и бесполезно определять их из предмета и метода” [Шумпетер, 2001: 12]. Тогда же В. Шляпентох выражал «сожаление по поводу того, что представители социальных наук тратят столько времени и энергии на определение “границ” своих областей исследования...» [Шляпентох, 1970: 9]. Происходящий процесс демаркации границ в научном познании привлекает такие характеристики, как “междисциплинарность”, “кооперация общественных наук”, “системный подход” или более модный “синергетический эффект”, которые, безусловно, весьма полезны, но социологии как науке об обществе имманентны и “междисциплинарность”, и “кооперация общественных наук”. И, разумеется, системный подход, ибо иначе познать общество как целостность невозможно, что понимал создатель социологии Конт, который ввёл в научный оборот понятие “система”.

Потребность самопознания присуща любому современному обществу, но в России в силу её исторического опыта эта потребность особенно велика. Уже первые историки русской социологии, как отечественные, так и зарубежные (Н. Кареев, О. Лурьев, Ю. Геккер и др.) заметили, что главные теоретические достижения социологии в России были, когда она выполняла функцию общественной рефлексии, благодаря которой общество узнавало, каково оно на самом деле. Диагностика состояния общества – необходимое условие для его развития. “В современной российской социологии нет и не может быть проблемы теоретически более актуальной, и практически более востребованной, чем глубокий и всесторонний анализ состояния общества. Комплексный, всесторонний анализ сложившегося ныне положения – это главный, основополагающий социальный заказ для российских социологов” [Горшков, 2014: 13]. Парадокс заключается в том, что, осуществляя опросы населения, социологи получают в качестве самых актуальных проблем: низкий уровень жизни, всеобщую коррумпированность, правовой произвол, бюрократизацию, развал социальной сферы – образования, здравоохранения, науки и культуры, что является следствием неэффективности общественного устройства, но именно эта ключевая проблема почти не исследуется.

При всём уважении к проблемам рекламы или даже гендерных отношений, исследования в этих областях всё же не являются сегодня приоритетными для общества. От академической науки, оплачиваемой из госбюжета, народ вправе получать ответы на более важные вопросы.

Общество – это феномен, судьба которого в значительной мере зависит от того, как люди его видят, представляют его будущее, т.е. насколько они информированы как субъекты социальной деятельности и как осознают общественные процессы.

Траектории движения планет не меняются в зависимости от прогресса астрономии, но уровень социологического знания существенно влияет на направление и скорость движения общества. Профессиональная обязанность социологов – не только производить высокий уровень социального знания, но и делать его достоянием широкой общественности.

Новый этап: расширение процесса социального познания. С развитием общества актуальной становится задача как интеграции наук, так и интеграция на более широком уровне духовной деятельности. И научная картина мира, и художественная картина мира – продукты познания, не противоречащие, а дополняющие наше представление об окружающей реальности. Наука не может заменить собой всех форм познания мира. И всё, что ускользает из её поля зрения, компенсирует другая форма постижения мира – искусство. Художественные образы, как и научные понятия, отражают действительность. Процесс синтеза научного и художественного проявляется в изменении парадигм познания, в тенденции сближения научного и художественного методов познания. Крупные учёные, авторы открытий, создатели новых направлений всегда ценили это взаимодействие. Происходит то, что уже проходило человечество в эпоху Возрождения, когда великие мыслители были и великими художниками. Многие учёные подчеркивают роль образно-эстетических переживаний в процессе совершения научных открытий и построения теорий. Искусство часто даёт непосредственный импульс научным размышлениям (например, экзистенциализм формировался во многом как художественная литература), равно как и наука открывает новые грани возможностей художественного освоения мира. А. Эйнштейн считал, что Ф. Достоевский дал ему больше, чем математик К. Гаусс. Достоевский задолго до Фрейда проник в глубинные основы психики человека, раскрыл динамику взаимодействия сознательного и бессознательного, которую он особенно глубоко постиг в её связи с социальным поведением личности. Многие психологи как зарубежные, так и отечественные основывают свои концепции на его творчестве. И, наоборот, психоанализ повлиял на Т. Манна, Р. Роллана, С. Цвейга, Г. Гессе. В свою очередь русская реалистическая литература конца XIX в. жадно впитывала социальную проблематику, так что не преувеличением является оценка Г. Плеханова: “У художника Горького и у покойного художника Г. Успенского может многому научиться даже самый учёный социолог” [Плеханов, 1927: 143].

Научный метод познания состоит из трёх этапов – *догадка, гипотеза, теория*. На первом этапе не столько понятия, сколько воображение, ассоциации, образы, т.е. художественная компонента, присутствуют в научном познании, что свидетельствует о генетической связи науки и искусства. Р. Барт опровергает «традиционное мнение, согласно которому существует естественная пропасть между объективностью учёного и субъективностью писателя, словно привилегия первого – это “свобода”, а второго – “призвание”, якобы способные разрушить их реальные границы» [Барт, 1989: 47]. Литературные тропы (эпитеты, метонимии, метафоры) позволяют теоретическую мысль выразить не только объёмно, но сделать её точной. В конце XX в. появилось целое направление когнитивной лингвистики (Ж. Фоконье, Р. Лангакер, Л. Талми, Р. Фейнман и др.), рассматривающее метафору не только как лингвистическое явление, но как важнейший элемент мышления, концептуализирующий картину мира. В 1980 г. Дж. Лакофф доказал, что “метафора не ограничивается сферой языка, сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны” [Lakoff, 1980: 11]. В российской социологии необходимость использования метафор в качестве инструмента познания общества впервые обосновал Ж. Тощенко. В монографии “Фантомы Российского государства”, характеризующей реформаторов, выплеснутых на политическую сцену в результате разрушения советской системы и хаоса 1990-х гг., он использует термин “бесы”, вызывающий аллюзии к Достоевскому, который представил в романе “Бесы” портреты социальных типажей, начисто лишённых морали. Тощенко для выявления сущности персонажей политической

номенклатуры, возникшей в 1990-х гг., теоретически обосновывает необходимость использования таких определений, как мутанты, клоуны, провокаторы, манкурты, фальсификаторы, имитаторы и пр. “Многие из них оказали огромное, нередко разрушающее влияние на развитие социально-экономических, политических и духовных процессов, привели к деформации общественного сознания, а в ряде случаев и к колоссальным экономическим, геополитическим и имиджевым потерям для России” [Тощенко, 2015: 10]. Появление этой монографии симпатично, оно означает преодоление тех самых “охраняемых границ”, о которых писал В. Шляпентох, и которые превращают научную деятельность в местечковое занятие, где выход за установленные межи вызывает гнев у разработчиков своих “социологических делянок”. Методологическая узость является причиной того обидного для нас парадокса, что синтез художественного и научного творчества пришёл к нам с Запада, хотя именно русская художественная литература дала лучшие мировые образцы глубокого социологического анализа общества, а многих русских писателей вполне можно считать социологами-генералистами.

Сегодня социологи отгородились от изучения причин того системного кризиса, в который всё глубже погружается страна. М. Горшков характеризует “черты деятельности отечественных социологов, всё отчётливее проявляющие себя в последнее время: *социологический сервиллизм* – в сложившейся системе взаимодействия с властными структурами, социологи чаще всего исполняют губернёрские, обслуживающие функции... Их задача сводится не к выявлению и пониманию социальной реальности, а к предугадыванию ожидания властей предержавших. Отсюда *доминирование таких тем, которые связаны с оправданием сложившегося в России социального уклада*,... и редкого обращения к повседневной жизни широких масс населения страны, истории и последствий приватизации” [Горшков, 2012: 27–28].

Российскому обществу для выздоровления требуются социологи, ставящие диагноз. Если этого не сделано, не следует перекладывать вину на социологию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Академический словарь русского языка. Т. II. М.: Русский язык, 1987.
- Андропов Ю.В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. 1983. № 3. С. 4–9.
- Аутвейт У. Реализм и социальная наука // Социологос. Социология. Антропология. Метафизика. М.: Прогресс, 1991. Вып. 1. Общество и сферы смысла. С. 141–158.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- БСЭ. Т. 24. Кн. I. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1976.
- Галкин А. Тенденции изменения социальной структуры // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 85–91.
- Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995.
- Горшков М.К. Общество–социология–власть: К вопросу о взаимодействии // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 23–28.
- Горшков М.К. Предисловие ко 2-му изд. кн. // Симонян Р.Х. Без гнева и пристрастия. Экономические реформы 1990-гг. и их последствия для России. М.: Экономика, 2014.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Доган М. Социология среди социальных наук // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 3–14.
- Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л.: ЛГУ, 1990.
- Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб.: Лимбах, 1996.
- Ковалевский М.М. Социология. Социология и конкретные науки в обществе. Исторический очерк развития социологии в 2 т. Т. 1. СПб., 1910.
- Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.
- Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: Мос. школа полит. иссл., 2000.
- Лескин Д.Ю. Метафизика слова в русской религиозно-философской мысли. СПб.: Изд. О. Абышко, 2008.
- Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. Изд. 3-е. М.: УРСС, 2010.

- Миллс Р. Социологическое воображение. М.: Nota Bene, 2001.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. 24-е изд. М.: Русский язык, 2008.
- Парето В. Элиты и аристократия // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV. Вып. 3–4. С. 230–239.
- Плеханов В.Г. Сочинения в 24 т. Т. 24. М.; Л.: Госиздат, 1927.
- Сорокин П.А. Структурная социология // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 173–185.
- Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 2000. № 1. С. 123–133.
- Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: ЦСПИМ, 2015.
- Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983.
- Фёдоров В. Средний класс вчера, сегодня... завтра? // Эксперт. 2012. № 1. С. 16–20.
- Шляпентох В. Социология для всех. М.: Сов. Россия, 1970.
- Щедровицкий Г.П. Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии. Обнинск, 1972.
- Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 1. СПб.: Эконом. школа, 2001.
- Bourdieu P. La Reproduction. Elements pour une theorie du système d'enseignement. Paris, 1970.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

© 2015 г.

С.Г. КИРДИНА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И МЕЗОУРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА

КИРДИНА Светлана Георгиевна – доктор социологических наук, зав. сектором эволюции социально-экономических систем Института экономики РАН, Москва, Россия (kirdina@bk.ru).

Аннотация. Предлагается модифицированный взгляд на выделение макро-, мезо- и микроуровней социального анализа, обусловленный развитием институционального подхода в социологии и экономике. Показано, что в ряде исследований мезоуровень понимается как пространство формирования правил и как сами эти правила, на основе которых взаимодействуют микросубъекты разного рода. В результате они порождают макроструктуры, которые имеют собственные свойства, несводимые к свойствам образующих их элементов. Новое понимание мезоуровня провоцирует дополнить набор известных предпосылок социального анализа (методологический индивидуализм и холизм) принципом методологического институционализма. Его содержание, как и области применения, рассматриваются в статье.

Ключевые слова: методология • институционализм • методологический институционализм • мезоуровень социального анализа • методологический индивидуализм • холизм

Развитие современной социологии происходит по ряду направлений. Здесь и включение в ее объект все большего числа граней социальной реальности и исследуемых феноменов [Романовский, 2015], и “повороты” к наиболее актуальным темам

При поддержке РФФ, проект № 14-18-02948.

Выражаю благодарность П.А. Ореховскому за то, что он обратил внимание автора на данную проблему, высказав ценные соображения.